

ПАПА НА СЕЗОН

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА

Юлия Николаева

Папа на сезон

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67139267

Аннотация

«— Что непонятно? – говорит он с легким раздражением в голосе. – Тебе нужны деньги, мне девушка с ребенком, чтобы сыграть семью на время предвыборной кампании. Гипотетически я мог стать отцом твоего сына, остальное придумают рекламщики. Ты получишь крупную сумму денег за несложную работу. Что тебе не нравится?»

Я открываю и закрываю рот, так ничего и не сказав. То, что он не помнит ни меня, ни ту единственную ночь, что мы провели вместе, я поняла давно. А знать, что отец моего ребенка он совсем не гипотетически, ему вовсе ни к чему...»

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Настя	7
Глава 2 Демьян	25
Глава 3 Настя	34
Глава 4 Демьян	46
Глава 5 Настя	59
Глава 6 Демьян	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлия Николаева

Папа на сезон

Пролог

Поганый, поганый день. И самое поганое в нем то, что я с обеда мечтал надраться так, чтобы забыть, как выгляжу. Если бы только не работа, которую кто-то должен выполнять.

Устало откидываюсь в кресле, потирая глаза. Ладно, чего уж теперь, все равно рабочий день давно закончился. А я надрался. Точнее, ещё надираюсь. Самое время отправиться на вечеринку и продолжить.

Закрыв кабинет, спускаюсь к выходу, но заворачиваю на пост охраны.

– Привет, биг босс, – встречает меня Витя, начальник охраны. Он сидит за столом перед камерами, так что я логично удивляюсь.

– Я думал, ты сегодня отдыхаешь, – имею в виду эту дебильную вечеринку, которую придумали маркетологи, считая сие хорошим ходом для раскрутки отеля.

– Отдыхаю, – кивает он, – Саня позвал на пульт, говорит, любопытная картинка.

Мысленно матерюсь. На черта я только решил сюда заглянуть? Вечное желание все контролировать.

– Что там? – подхожу к нему, опираясь на спинку кресла, смотрю на экраны.

Основное веселье проходит на площадке у бассейна, оно и понятно, там вода, лежаки, бар и шведский стол. Несмотря на то, что цена на вход очень высокая, а вечеринка по сути закрытая, чтобы избежать всякой шушеры в отеле высокого класса, народу все равно много.

Но Витя указывает на другую камеру, в дальнем углу за отелем. Нахмурившись, приглядываюсь, но толком ничего не вижу.

– Саня сказал, кто-то трется с той стороны уже минут пятнадцать.

Я усмехаюсь.

– Ну и пусть трутся, через трехметровый забор они вряд ли перелезут.

Витя неопределенно качает головой.

– Там участок решетки за кипарисами, в принципе тощий подросток может пролезть при желании.

– Ты шутишь? – смотрю скептически, но Витя, хмыкнув, тычет пальцем в экран. Перевожу туда взгляд. Из-за кипарисов появляется аляпистое пятно.

– Точно девчонка, – кивает Витя, а я только диву даюсь.

– Неужели реально через решетку пролезла?

– Ну а как еще. Сейчас пошлю ребят, пусть выведут ее отсюда, все разъяснив.

– погоди, – я останавливаю руку, которой он тянется к те-

лефону. Витя смотрит с удивлением. Да я и сам бы, наверное, удивился такому решению, только уже достаточно пьян, потому и повинуюсь пришедшей в голову мысли.

– Пусть девчонка порадуетя жизни, отправь кого-нибудь из ребят, чтобы присмотрели за ней на случай экстренной ситуации. Ну и если она несовершеннолетняя, тогда выставите из отеля.

Витя только качает головой, но возражений не произносит. Я с насмешкой наблюдаю, как пятно отвратительно яркого цвета движется в сторону бассейна. Что ж, может, у нее тоже был поганый день.

Глава 1 Настя

– Что-то я сомневаюсь, – говорю я, держась руками за решетку и всматриваясь в пространство между кипарисами, растущими за ней. Анька устало вздыхает.

– Все будет нормально, там такая прорва народу, что на тебя даже никто не обратит внимания. Надыбаешь еды и возвращайся обратно.

Бросив неуверенный взгляд на подругу, снова смотрю на кипарисы. Хорошо Аньке говорить – это не она собирается пробираться на территорию отеля. А главное, и не поспоришь, кому идти, подруга хоть и не полная, но точно не пролезет между прутьями решетки. И почему я такая худая?

«Еще несколько дней, и вообще ноги откинешь», – настаивательно бормочет внутренний голос, а желудок, подтверждая его слова, начинает урчать.

– Ладно, – вздыхаю я, – только если что, ты меня спасешь.

Анька ответственно кивает, не уточняя, каким образом будет мое спасение проходить. Ладно, это я, можно сказать, для собственного успокоения. В последний раз взглядевшись сквозь кипарисы, встаю боком и просовываю между решеток ногу, за ней плечо, грудь немного сдавливают, но все же, протиснувшись вперед, я оказываюсь по ту сторону.

– Обалдеть, – восторженно замечает Анька, передавая мне пляжную сумку. – Я жду тебя здесь, отпишись, все ли в

порядке, чтобы я не волновалась.

Оправив полы сарафана, перекидываю сумку через плечо и, высунув из кипарисов голову, осматриваюсь. Никого, такая огромная территория, и совсем пустая. Аккуратно выбравшись, неспешно начинаю преодолевать открытое пространство, а потом припускаю бегом, пока не выскакиваю с травы на дорогу. Выдохнув, поправляю сумку и уже тут иду не спеша. Ладно, Анька права, никто на меня внимания не обратит, здесь же много людей отдыхает, а сегодня к тому же вечеринка.

Именно она и привлекла наше с подругой внимание, точнее, яркая перетяжка, висящая над главным входом. Вечеринка вообще-то открытая, но вход стоит столько... Если бы у меня были такие деньги, я бы еще месяц спокойно жила на юге, а не занималась противозаконными действиями. Но вот пришлось. А все дело в том, что на юга я дернула, гордо хлопнув дверью. Собрала свои скудные сбережения и отправилась к морю, наплевав на слова матери о том, что вместо развлечений нужно думать о хлебе насущном.

Да я о нем и так сутками напролет думаю, между прочим. Работаю с утра до ночи, отдавая больше половины зарплаты матери. Нет, я все понимаю, она меня родила, воспитала, столько вложила сил и денег в том числе, что моя святая обязанность... Ну и так далее по списку. И я очень ей благодарна. Только имею я право на отдых в свои восемнадцать? Днем работа, вечером учеба, и так без продыха.

В общем, я психанула. Мать упиралась, говоря, что ничем хорошим это не кончится, и в итоге я сбежала с рюкзаком вещей, документами и немногочисленными сбережениями.

И вот, купив билет на поезд, я отправляюсь на море. Между прочим, впервые в жизни. Сама себе не веря, трясусь в душных поездах несколько суток, пялясь в окно, прогуливаясь на промежуточных станциях во время остановок. Потом паром, автобус, и наконец, я ступаю на крымскую землю, предоставленная сама себе. В полном смысле этого слова. Я бы даже сказала, в устрашающем смысле этого слова.

Квартиры, комнаты, гостиницы предлагают на каждом шагу, только вот даже самый дешевый вариант намекает на то, что загорать и купаться я, может и буду, а вот кушать точно нет.

В общем, я успеваю отчаяться, когда на меня буквально сваливается Анька. Она выходит из кафе спиной вперед, что-то держа в руках и говоря со стоящей в дверях женщиной, смотрящей на нее неодобрительным взглядом. На последней ступеньке оступается, а я подхватываю ее, пока девушка старательно спасает коробки.

– Спасибо, – говорит мне, сдувая темную прядь, упавшую на лицо. Я тяну носом ароматный запах еды, исходящий из коробок, и невольно сглатываю. Надо бы мне добрести до магазина и купить себе чего-нибудь. Аня смотрит на меня пронизательным взглядом.

– Есть хочешь? – спрашивает в итоге. Я смущаюсь, чувствуя себя попрошайкой. – Идем, – только и кивает мне.

На пляже многолюдно, но мне плевать, потому что море сглаживает любые недостатки вокруг. Оно такое волнующее, мощное и красивое... Хочется смотреть и смотреть на него, что, к счастью, я могу себе позволить.

– Ты купила на вынос? – задаю вопрос, когда мы заканчиваем с едой. Аня усмехается.

– Вроде того. Они иногда отдают мне то, что остается от заказов.

Хорошо, что я уже поела, потому что отчетливо чувствую, как в горле встает ком.

– Типа объедки? – задаю вопрос. Аня смеется.

– Нет, то, что из готового осталось не проданным.

Немного отлегает. Ну хоть так.

– Ты откуда? – спрашивает меня девушка, называю город, она кивает.

– С деньгами туго?

– Вроде того, – вздыхаю в ответ.

– Ну тогда тебе стоило не Ялту выбирать для жилья. Здесь цены ого-го какие, самый дорогой город в Крыму.

– Значит, переберусь куда-нибудь, – пожимаю плечами. Накатывает легкая усталость, но такая приятная, хочется просто слушать море и ни о чем не думать.

– Ладно, – говорит Аня, – можешь пока остановиться у меня.

Вот так я и оказываюсь в палатке над Ялтой. И поначалу все даже неплохо, Анька заядлая туристка, мы много гуляем, ездим по ближайшим достопримечательностям, а потом у меня крадут кошелек вместе с паспортом. На шестой день пребывания, когда, казалось бы, еще отдыхай и отдыхай. Пока я плачу, представляя, как звоню матери, чтобы выпросить денег, Анька сидит рядом, изредка похлопывая меня по спине.

– Мать мне откажет, – всхлипываю я в который раз. – Она и так не хотела меня отпускать.

– Ладно, доедешь стопом, сейчас сезон, добрых людей полно. Немного денег наскребем в дорогу.

А потом мы видим эту дурацкую перетяжку у отеля, и у Аньки в голове рождается сия сумасбродная идея. Она вообще генератор подобного, наверное, поэтому и умудряется все лето жить на юге почти без копейки в кармане. Но я не она, у меня не только фантазии такой нет, но и напористости и наглости.

Только вот именно я иду сейчас по дороге на звук музыки и голосов, и страшно мне до чертиков.

Отель шикарный, выглядит очень стильно. Но сейчас мне не до рассматривания окружающего. Я вклиниваюсь в толпу отдыхающих около бассейна. С одной стороны, мне страшно оказываться среди людей, с другой – их действительно так много, что вряд ли кто-то вообще заметит мое присутствие, ну или сочтет его неуместным.

Играет музыка, отовсюду несутся голоса и смех. Со стороны бассейна то и дело слышатся крики и всплески, народ купается. Напротив танцпол, тоже пользуется спросом, судя по количеству танцующих. Но меня интересует стоящий чуть в стороне шведский стол. Уже через несколько шагов в ноздри начинает пробиваться запах еды, он такой яркий, манящий, что я невольно чаще начинаю вдыхать, ускоряя шаг. Основная часть народа тусуется возле бара рядом, а тут вполне свободно.

Стараясь выглядеть непринужденно, беру тарелку и накладываю себе поесть, приглядывая то, что можно будет унести в сумке для Аньки. Однако судьбе было не угодно накормить меня. Отхожу в сторону, туда, где находятся столики, а чуть поодаль уютные плетеные кресла с крышей от дождя. Они в полутьме, так что даже непонятно, есть там кто или нет. Столики пусты, только в углу парочка, которая больше целуется, чем ест. Точнее, пьет, потому что кроме напитков перед ними ничего нет. А, плевать. И вот, как только я собираюсь отправить салат в рот, появляются они.

Два парня лет двадцати пяти плюхаются за мой стол напротив, одаривая пьяными улыбками. Да и глаза тоже не очень трезвые. И вообще, они мне не нравятся. В плане, сами парни. Есть в них что-то такое презрительно-насмешливое, отчего сразу мне чудятся неприятности.

– Слушай, красавица, – заявляет один, разглядывая меня. – Мы тут с другом поспорили, утоли наш интерес.

Я молчу, ожидая в напряжении продолжения.

– Мой друг говорит, что ты из персонала гостиницы и забралась на вечеринку под шумок. А я вот считаю, что уборщица должна понимать, какие у нее могут неприятности в случае чего. Ну и реши она забраться на такое мероприятие, озаботилась бы тем, чтобы на ней было платье не с рынка. Так что, разрешишь наш спор?

Мне кажется, я должна сидеть пунцовая от стыда, но мне становится так страшно, что с лица наоборот уходят все краски. Сжимаю в руках вилку, а потом аккуратно, медленно кладу ее на стол. Еще не хватает, чтобы кто-то посчитал, что я могу ей воспользоваться.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – говорю, стараюсь выглядеть естественно, даже подбородок вздергиваю, хотя вряд ли выгляжу обиженной. А вот испуганной наверняка.

– Ну вот, она не понимает, – еще более насмешливо вздыхает второй, обращаясь к своему другу. – Может, покажешь свой билет, красотка?

Последнее слово он произносит таким тоном, что ясно: в его представлениях до красотки мне далеко. И хотя я считаю себя вполне привлекательной девушкой, сейчас внутри расплзается обида. Встав, закидываю на плечо сумку.

– Оставьте меня в покое, иначе придется пожаловаться на вас администрации, – говорю как можно увереннее, чем вызываю только смех. Ладно, нужно просто уйти, затеряться в толпе, и все. Эти пьяные ребята забудут о моем существо-

вании через полминуты. Однако уйти я не успеваю, один из них хватает меня за запястье, выворачивая его к свету ладонью вверх.

– Здесь нет, – он перехватывает вторую руку, – и здесь нет. Ну надо же, может, тебе на груди печать поставили?

Они снова смеются, а я замечаю на их запястьях печати. Видимо, их ставят на входе при предъявлении билета. Вот черт, ну чего они ко мне пристали, спрашивается?

Пытаюсь вырваться, но получается так себе. Они тянут ко мне руки, явно намереваясь продолжить издевательства.

– Пустите, – кидаю резко и громко, плевать, что услышат или раскроют мое нелегальное присутствие, сейчас я куда больше боюсь за саму себя.

– Отпустите девчонку, – слышу сзади голос и чувствую, как хватка парней ослабевает. Однако легче ненамного, еще неизвестно, с кем мне теперь придется разбираться?

Оглянувшись, вижу, как из плетеного кресла поднимается мужчина. С нашей позиции мне виден только силуэт, а вот мы перед ним как на ладони. Стою, наблюдая, как постепенно фигура выплывает из полутьмы. И просто замираю. Он высокий, молодой и красивый. Такой красивый, аж зубы сводит. Я бы назвала его совершенным. Простая белая футболка без рисунков подчеркивает мускулистое тело, широкие плечи, сильные руки. Правильные черты лица: прямой нос, светлые глаза, легкая небритость, светлые волосы небрежно уложены на голове. Он идет на нас абсолютно рас-

слабленной уверенной в себе походкой, и с каждым его шагом чувствую, как растет напряжение в парнях. Господи, мне тоже начинать бояться? Кто он, в конце концов, такой?

Кто бы ни был, но через пару мгновений мужчина оказывается возле нас. Я чувствую запах приятного дразнящего парфюма, смешанный с запахом алкоголя и мяты.

– Да мы чего, – начинает бормотать тот, что меня хватал, – она без приглашения, ну мы и решили...

– Просто свалите, – говорит мужчина, на вид ему лет двадцать семь, и хотя между нами такая разница, я не могу отвести восхищенного взгляда. Парни быстро уходят, продолжая что-то бубнить уже себе под нос. Мужчина переводит взгляд на меня, и теперь моя очередь пугаться.

– Есть хочешь? – спрашивает он таким тоном, словно констатирует факт. Вот теперь мои щеки начинают алеть. Но я по странной причине не могу соврать. Словно он сканер, который считывает правду и ложь. Молча киваю, пряча глаза.

– Пойдем, – он берет меня за руку, я вздрагиваю от прикосновения.

Его ладонь горячая и большая, моя ладошка просто утопает в ней. Он все так же расслабленно следует прочь от основного места действия, а я иду, отчаянно кусая губы, не зная, правильно ли поступаю. Да какое правильно? Неизвестный мужчина тащит меня, не пойми куда! Нужно прямо сейчас вырвать руку и бежать без оглядки. Возможно, они не успеют выследить меня в толпе, я юркну обратно между решеток

на улицу, а там уже спасение.

Но вместо этого я молча иду за мужчиной, словно он меня загипнотизировал. Мы оказываемся в просторном фойе гостиницы, и к нам подходит охранник. Мои ладони потеют, а сердце замедляет ход. Вот что я за дура! Сейчас он сдаст меня охране, а если они вызовут полицию? У меня даже паспорта нет...

Но мужчина только кивает охраннику, тот хмурится, оставаясь на месте, в то время как мы пересекаем холл с ресепшн, за которым скучают две молоденькие девушки. При нашем появлении они выпрямляются и натягивают на лица улыбки, направленные исключительно на мужчину и обещающие ему райское блаженство в режиме 24\7.

– Номер есть свободный? – задает он вопрос.

– Для вас найдем, – одна кивает, вторая начинает увлеченно рыться в компьютере. – Вам какой надо, Демьян Александрович?

Вот это имя. Демьян. Я пробую его на вкус, мысленно произнося. Оно такое манящее, но при этом уютное и порочное одновременно. В этих мыслях я упускаю остальной разговор, и только когда мужчина тянет меня за руку, прихожу в себя. Девушки смотрят с презрением и завистью одновременно, и причина, по всей видимости, в моей ладони, что сжимает их... начальник?

Мы делаем пару шагов в сторону лифтов, когда Демьян оборачивается и говорит девушкам:

– Принесите в номер полный ужин из ресторана и бутылку красного вина, – называет марку, которая мне ни о чем не говорит, я все это время старательно молчу, пряча взгляд.

И только когда мы оказываемся в лифте друг напротив друга, осмеливаюсь посмотреть мужчине в глаза. Во-первых, понимаю, что он пьян куда больше, чем я думала, просто умеет держать себя в руках. А во-вторых... во-вторых, он рассматривает мой сарафан. Даже не стоит строить иллюзий, что его заинтересовало тело под ним, взгляд говорит сам за себя: он смотрит на мою одежду точно так, как те двое, что пристали ко мне за столом. С долей пренебрежения и отвращения. Мне невольно хочется прикрыться. Ну что такого, обычная тряпица на лямках, да, возможно, яркого цвета, но не настолько же, чтобы человека унижать за это?

Лифт звякает, и я резко отворачиваюсь, направляя взгляд на открывающиеся створки. За ними коридор, застеленный ковром, мягкий свет ламп заливает пространство по всему периметру. На этот раз Демьян не берет меня за руку, словно понял: я никуда уже не денусь. Иду следом за ним, чувствуя себя все более неуверенно. Зачем я вообще здесь? Зачем он меня тащит в номер отеля, заказывает ужин? Что за странная благодетельность?

Обхватив себя руками за плечи, останавливаюсь рядом с мужчиной возле двери номера. Он быстро открывает ее магнитным ключом, мы проходим внутрь. Номер шикарный, даже ничего и не скажешь больше. Просторный, в светлых то-

нах, на полу мягкий палас, возле окна столик с креслами вокруг него, а у стены... Огромная двуспальная кровать. Демьян, пройдя, садится на ее край, а потом ложится на спину, раскидывая руки в стороны.

– Поганый день, – слышу, как он шепчет, закрыв глаза. Я по-прежнему стою посередине номера, обхватив себя руками. Проходит не меньше двух минут, прежде чем мужчина открывает глаза и снова садится. Окинув меня быстрым взглядом, делает жест рукой, добавляя:

– Иди сюда.

Я медленно приближаюсь, чувствуя нарастающую дрожь в ногах. Но когда оказываюсь на расстоянии метра, замираю. Он сидит, рассматривая мое тело, взгляд до лица даже не поднимается.

– Ты очень худая, – говорит наконец и насмешливо добавляет. – Видимо, частенько хочешь есть.

Я вспыхиваю от этих слов, хотя не чувствую, что Демьян хотел меня уколоть или унижить. Скорее, просто констатация факта. На самом деле, у меня такая фигура, я всю жизнь, что называется, доходяга, сколько меня ни корми. Но рассказывать это сейчас, само собой, не буду. И вообще ничего не успеваю ответить, раздается стук в дверь.

– Да, – громко говорит Демьян, показывается молоденькая девчонка с очередным влюбленным взглядом, направленным на мужчину.

– Ваш заказ, Демьян Александрович.

– Поставь к столу, спасибо, – кивает он.

Девушка быстро выполняет сказанное, на мой взгляд, нарочито наклоняясь, вставая к мужчине спиной, чтобы сверкнуть ногами из-под юбки униформы. Впрочем, он не обращает на это внимания, отчего я тайно не могу не злорадствовать. Бросив на меня недовольный взгляд, девушка покидает номер. Я стою, разглядывая хорошо прожаренный кусок мяса с запеченными овощами и салатом, и понимаю, что у меня сейчас голова закружится от одних только запахов.

– Ну ешь, – кивает он в сторону столика, я остаюсь стоять на месте. Прежде чем сесть туда, мне бы хотелось прояснить один момент.

– А что потом? – спрашиваю, понимая, как глупо звучит мой вопрос. Демьян смотрит на меня вопросительно, и я продолжаю, стараясь придать голосу смелость. – Ну вы меня спасли от этих парней, кормить собрались. Вы что-то от меня хотите?

Демьян снова проводит взглядом по моему телу, а я поджимаю пальцы ног. Что, что он сейчас скажет?

– А ты чего хочешь? – произносит неожиданно. – Или предлагаешь?

Я смотрю растерянно, часто моргая. Нет, конечно, я ничего не хочу и тем более не предлагаю ему себя, как он, видимо, подумал. Все, чего я хочу – это поесть и уйти из этого места без последствий. Ну или хотя бы просто уйти, черт с ней, с едой.

Демьян резко поднимается, отчего я отставляю ногу назад, готовясь сделать шаг, но в итоге так и не двигаюсь с места. Он подходит ко мне очень близко, так что приходится задрать голову, чтобы смотреть на него. Демьян замирает, разглядывая мое лицо. Да неужели.

Глаза у него пьяные, и я почти уверена: он с трудом завтра вспомнит, что вообще меня встретил. А через мгновение мужчина притягивает меня к себе, одну руку положив на шею, а вторую на поясницу. Его губы накрывают мои, и я не успеваю даже подумать, как реагировать на подобное, потому что он сразу вторгается языком в мой рот, тесно прижимая к своему горячему телу. Внутри мгновенно разносится жар, и прежде чем понять, что делаю, я подаюсь мужчине навстречу, отвечая на поцелуй. Мое дыхание мгновенно сбивается, в голове расплывается тяжесть, а внизу живота появляется томление. Желание несется импульсами.

Демьян начинает медленно идти назад, тяня меня за собой. Когда упирается в кровать, садится, а я стою, зажатая его ногами. Если он думает, что я сейчас очнусь и сбегу – далеко не прав. То есть я бы сбежала, конечно, но до «очнусь» мне еще явно далеко. Я тяжело дышу, но на мгновение задерживаю воздух в легких, когда пальцы мужчины, скользнув по моим плечам, стягивают вниз лямки сарафана, он спадает вниз, задерживаясь на бедрах. Бюстгальтера на мне нет, и взгляд Демьяна, направленный на мою грудь, вызывает такой сильный прилив желаний, что мне почти невыносимо его

терпеть. Проводит пальцами у меня под грудью, вычерчивая из родинок треугольник, странно, что он привлек его внимание, но сейчас мне все равно: каждое касание отдается в теле импульсом.

Он кладет руки мне на бедра и аккуратно проводит ими по сарафану, подняв глаза, шепчет:

– Ты сейчас на русалку похожа. С ярким хвостом.

Я нервно сглатываю, продолжая на него смотреть. Демьян приближается к моему животу и целует пупок. Не выдерживаю, из груди вырывается стон, цепляюсь за плечи мужчины, когда его губы скользят ниже. Сарафан падает на пол, а через мгновение Демьян тянет меня на свои колени со словами:

– Иди ко мне, Русалка.

И я иду, иду, решив, что буду думать обо всем потом. Сейчас меня просто разрывает от желания отдаться этому мужчине, красивому, сексуальному.

Не знаю, сколько времени длится наше безумие, потому что очень быстро теряюсь в накрывающем меня наслаждении. И когда кажется, что меня просто разорвет на части, если мы продолжим еще, Демьян откидывается рядом со мной на кровать. Некоторое время мы лежим молча, я с закрытыми глазами, не в силах пошевелиться. Постепенно разум начинает пробиваться через накрывшую меня негу, и я начинаю соображать, что натворила.

С ума сойти, переспала с первым встречным! Если бы не сотрудники отеля, я бы даже имени его не знала. Боже, какой

стыд! Я ведь вообще не такая, у меня и был-то всего один парень, Сашка Фомичев, мы встречались последние несколько месяцев и даже несколько раз занялись сексом. Только ничего похожего на сегодняшний вечер там не было. Мне было неловко, больно, неприятно, странно, и даже немного смешно – но уж точно не вот это сумасшедшее возбуждение, из-за которого мои мозги превратились в жижу.

Слышу, как Демьян поднялся, но открывать глаза не спешу. Как жаль, что свет горит, с выключенным менее стыдно. Ну или мой стыд менее видно.

– Поешь, Русалка, – произносит мужчина немного хрипло, а я чувствую, как по телу начинают бежать мурашки. Со всем ты ненормальная, Настя! Уже от голоса возбуждаться начинаешь.

Шаги удаляются, слышу стук двери, а следом почти сразу звук льющейся воды. Вот тогда вскакиваю и осматриваюсь. Быстро вытираю салфетками живот, натягиваю трусики, следом сарафан и, схватив сумку, бегу к двери. И только спускаясь в лифте, понимаю: мы делали это без презерватива. В голове, как через пелену, всплывают его слова, которые он произнес, пока целовал мое тело:

– У меня нет защиты, Русалка. Ты как-то предохраняешься?

И мое невнятное:

– Да, да, все хорошо.

Я закрываю лицо руками. О чем я думала? Да ни о чем

я не думала. Я даже вопроса толком не поняла, потому что голова не соображала, готовая взорваться от ласк мужчины. Хорошо, хоть он в итоге мне на живот, а то бы совсем хана.

Из отеля я выбегаю на такой скорости, которая позволяет не увидеть презрение на лицах окружающих меня людей. Наплевав на вечеринку, несусь к главным воротам, слава богу, никому в голову не приходит меня задерживать или осматривать. От отеля несусь вперед, толком не зная, куда. Просто подальше, чтобы выветрить из головы помутнение. Вдруг чувствую, как кто-то хватает меня за руку. Перепугавшись, вырываюсь и бегу дальше, когда слышу:

– Настя, Настя!

И резко торможу. Анька.

Обернувшись, смотрю на приближающуюся подругу, тяжело дыша, руки упираю в колени, чтобы хоть немного убрать боль в грудной клетке.

– Что случилось? Ты чего несешься? – подруга смотрит испуганно, я только качаю головой, не в силах выдать ни слова. Наконец выпрямляюсь, дыхание постепенно приходит в норму, хотя во рту все еще солоноватый вкус.

– Ты почему трубку не брала? Настя, да что с тобой?! – Анька начинает тревожиться всерьез. Я на мгновение закрываю глаза, и тут же вижу лицо Демьяна в тот момент, когда мы занимаемся сексом. Тряхнув головой, перевожу взгляд на подругу.

– Меня почти замели, – отвечаю коротко, – но удалось

убежать.

Глава 2 Демьян

четыре года спустя

– А без этого никак не обойтись? – задаю вопрос, изогнув бровь.

Евгений Борисович, маркетолог, поправляет на переносице очки с таким видом, словно меня боится. Хотя знаю, что это не так. У Борисыча всегда такой вид, можно подумать, что он боится всего мира и даже себя самого. Удивительно, как за такой внешностью умудряются прятаться отличные рекламные способности. Я видел его послужной список, и могу смело сказать: Евгений Борисович Касторин как никто знает, что нужно сделать, чтобы провести рекламную кампанию успешно.

И хотя у меня не совсем обычный случай, я все же надеюсь на успех. Только вот предложенные варианты повергли меня в некоторые... раздумья.

– Понимаете, Демьян Александрович, – начинает Касторин тихим голосом, который тоже звучит испуганно, не отрываясь от созданного им образа. – У вас неплохие исходные данные, вы удачливый бизнесмен, амбициозны, но имеете репутацию, что называется, ловеласа. Это большой минус.

– Настолько большой, что надо выдумывать подобное?

Касторин только пожимает плечами. Я некоторое время размышляю, задумываясь над тем, а стоит ли игра свеч в принципе. Начать всю эту возню с местной думой и моим присутствием в ней надоумила меня мать. Вот уж главный маркетолог, лучше и не скажешь. Иногда мне кажется, все мои начинания так или иначе связаны с ней. Не знаю, то ли я пытаюсь доказать ей, что чего-то стою, чтобы она не так переживала из-за отца, который нас бросил, то ли она пытается доказать всем посредством меня, что отец был полным идиотом, оставив такую семью.

Мне лично на отсутствие отца в жизни как-то все равно, по крайней мере, теперь, в сознательном возрасте, а уж доказывать ему что-либо и вовсе ни к чему. Я после института и так пашу, как вол, чтобы еще узнавать, что обо мне подумали другие. Строительный бизнес, несколько отелей на побережье, ресторан, благотворительность, и теперь вот еще – местная дума. Ну если конечно, моя предвыборная кампания пройдет хорошо. Вот Касторин уверен в успехе, хотя и предлагает немыслимое. Фиктивный брак.

– Ну хорошо, – произношу, переводя на него взгляд, – как вы себе это представляете? Вдруг ни с того, ни с сего я женюсь неизвестно на ком?

– Девушку мы подберем, это не проблема, сами понимаете, – Борисыч поправляет очки в который раз, хотя сейчас они даже не слезли с переносицы. – Составим договор, по которому она не имеет права разглашать истинное положение

ние дел. Предложим хорошую сумму. По факту, вам нужно просто сыграть отношения на пару месяцев.

Я выпрямляюсь в кресле, устремляясь телом к Касторину.

– То есть вы предлагаете рассказать общественности, что я несколько лет прятал не только женщину, которую люблю, но и своего ребенка, ведя в это время разгульный образ жизни? А не думаете, что это еще хуже отразится на моей репутации?

– Не совсем так. История попадет в массы без вашего участия, Демьян Александрович. Это будет девушка, в которую вы были страстно влюблены, но роман закончился, вы расстались, она уехала, нося под сердцем вашего ребенка. Долгое время вы ничего об этом не знали, но случайная встреча все расставила по местам.

– Это вы сейчас текстом для газет говорите? – усмехаюсь на высокопарность слога. Касторин растягивает губы в улыбке.

– Набросал пару вариантов, – вроде бы как смущается. – Я не требую от вас ответа прямо сейчас, обдумайте все хорошо. Эта история не только расположит к вам женскую часть населения своей романтичностью и трогательностью, но и создаст вам образ честного человека, который несет ответственность за свои поступки, понимаете?

– Вообще-то я такой и есть, – ворчу в ответ, хотя и насмешливо. Безусловно, Касторин не ставил цели меня обидеть.

– Вот и отлично, – сияет он, – видите, нам по факту даже врать не придется.

Я несколько секунд пялюсь на него в сомнении, а потом откидываюсь в кресле, кладя ноги на стол.

– Давайте попробуем, Борисыч, – говорю, кивая. Он сразу же подбирается, словно собака, взявшая след.

– Нам нужна девушка с ребенком, – начинает говорить куда более уверенно, – желательно, чтобы ребенку было не меньше двух-трех, дабы можно было списать историю ваших отношений на прошлое, которое не все вспомнят. Может, у вас есть на примете такие... подруги?

Последнее слово он почти выдавливает, не зная, видимо, как назвать моих однодневок. Но меня куда больше заботит сам вопрос. Стремление Касторина понятно: если девушка будет мне знакома, это большая заявка на успех. Только вот у меня подобных знакомок точно нет. Все мои так называемые подруги или не задерживаются в памяти, или... Да в общем-то, другого или не существует.

Была только одна женщина, которую я пустил в свое сердце, и вот она как раз подходит под эти параметры. Только не уверен, что она согласилась бы на подобное за какие бы то ни было бабки... И вообще, это просто дерьмовые воспоминания лезут в голову, пытаюсь притянуть за уши нереальное.

Нахмурившись, мотаю головой, отгоняя ненужные мысли, а после отвечаю на ждущий взгляд Борисыча.

– Нет у меня никого, так что придется тебе поискать.

Только прошу, пусть она не будет уродиной.

Касторин улыбается.

– Вам же не надо будет иметь с ней близких отношений, Демьян Александрович.

– Ну и что? Она все-таки будет находиться рядом со мной целыми днями. Хотелось бы не вздрагивать от страха при каждой встрече.

Борисыч смеется, не выдержав, я посмеиваюсь вместе с ним.

– Время есть, поищем, – отвечает наконец, вставая. Я поднимаюсь вместе с ним, проводив до двери, пожимаю руку. – Рад, что сумел вас убедить, уверен, это отличный тактический ход.

Я только улыбаюсь в ответ. Не люблю делать скоропалительных выводов. Что из всего этого выйдет – покажет время.

До вечера занимаюсь делами, уже к концу рабочего дня дверь в очередной раз распахивается, появляется Света. Она настоящая красавица, лет тридцати, с правильными чертами лица, большими глазами и пухлыми губами, а еще грудь заслуживает отдельной похвалы, как и сама фигура в целом.

Удивительно, что при этом я ни разу не посягнул на ее тело. Наверное, потому что ценю то, что для меня куда больше имеет значение: профессиональные навыки. А Света настоящий профи, лучше помощницы просто не сыскать. Иногда мне кажется, она даже мои собственные мысли и желания

предвосхищает.

– Я ухожу, – Света проходит и присаживается на край моего стола, кладя передо мной лист. – Это расписание на завтра, на мессенджер скинула тоже. Послезавтра переезжаем в офис, так что завтра освободите свой кабинет для сборов во второй половине дня.

– Есть, босс, – усмехаюсь, прикладывая руку к виску, Света только быстро улыбается в ответ.

– И на всякий случай напоминаю: у вас сегодня ужин с матерью и Эльзой Ивановной, – последние два слова она произносит с явной иронией.

А вообще, отчество к этому дурацкому имени Света добавляет специально, из желания позлить его хозяйку, даже когда ее тут нет. Меня это неизменно забавляет. Правда, сейчас не настолько, потому что я успел забыть об этом дурацком ужине, и моя физиономия явно это выдает, Света замечает:

– Ужин через полчаса на набережной в «Мане». Если поторопитесь, как раз успеете.

Я только протяжно вздыхаю, вставая.

На ужин я, само собой, опаздываю. Приезжаю только через сорок минут, успевая дважды поговорить с матерью по телефону на эту тему. Она свято считает, что это дурной тон, и вообще, это же не кто-нибудь, а Эльза Соломонова. И объяснить ей, что мне совершенно по барабану сей факт, возможным не представляется.

Я знаю, что матушка твердо решила нас поженить, и что Эльзе, а попросту Лизе, эта идея пригласилась очень по душе. Изначально я о подобных планах не догадывался, потому за-тащил ее в постель сразу после первой встречи, уверенный в том, что для нас обоих – это разовое удовольствие. Но когда она стала появляться в моей жизни все чаще, еще и под руку с матерью, начал понимать, что не все так просто. Так называемое сводничество продолжалось уже три месяца, я делал вид, что не понимаю, что происходит, периодически укладывая Лизу в постель. Наверное, стоило бы воздержаться, да и не настолько она в сексе хороша, но девушка так умело себя предлагала, что отказываться было грех.

Не знаю, на что только она вообще рассчитывает. Хотя понятно, на что. На то, что я куплюсь на ее имя. Ее отец, Иван Соломонов, известен на всем побережье. Когда-то давно он вылез из бандитской среды, заделался в бизнесмены и добился больших успехов. А так как я уверенно набираю позиции, то являюсь отличной кандидатурой на руку и сердце его дочери. Только вот жениться ближайšie лет пять я точно не собираюсь. То есть не собирался до сегодняшнего разговора с Касториним.

Усмехаюсь, представляя, как вытянется лицо Лизы и матери, когда я скажу им, что женюсь. Раскрывать подробности рекламной кампании я не собирался. По крайней мере, первое время. Информация могла просочиться в массы, да к тому же, будем честными, женщины так себе хранят тайны.

В ресторан вхожу, занятый мыслями о том, как найти себе жену с ребенком на сезон, оглядываюсь и машу рукой в ответ на приветствие мамы. Лиза делает вид, что не обращает на мое появление внимания, сидит вся такая прямая, как будто кол проглотила. Слишком коричневый ненатуральный загар смотрится в начале сезона странно, к тому же оттеняемый белым обтягивающим платьем.

Я делаю шаг в их сторону, когда мимо меня проплывает официантка с подносом в руках. Вижу ее напряженную спину и руки, и почти уверен, ее взгляд направлен перед собой, а мысли только об одном: не уронить чертов поднос, заставленный едой.

«Новенькая», – скользит в голове мысль, я иду за ней, зачем-то разглядывая.

Она худая, очень худая, я бы сказал, даже как-то болезненно. Тоненькая, как тростинка, как она вообще этот поднос в руках держит? Светлые волосы заплетены в косу, закинутую на одно плечо, тонкая длинная шея сейчас ощутимо напряжена. Девушка замирает перед нашим столиком, мама, окинув ее взглядом, обращается ко мне, когда через пару мгновений я оказываюсь за спиной официантки.

– Демьян, мы заказали на тебя... – договорить не успевает, девушка вздрагивает всем телом, отчего большой бокал, наполненный красным вином, опасно качнувшись, сваливается на стол.

Я знаю, все длится мгновение, но вижу происходящее,

как в замедленной съемке: бокал, глухо ударившись о белую плотную скатерть, отскакивает от стола и оказывается на коленях у Лизы, окрашивая ее безупречно белое платье алым цветом. Большое пятно разливается по подолу, быстро впитываясь, а вокруг него возникает ореол мелких капелек-брызг.

– Боже мой, – официантка шепчет эти слова, но я все равно их слышу. – Простите, простите, пожалуйста.

Лицо Лизы перекашивается от злости, кожа медленно, но верно стремится к тому же алому, что растекся у нее на платье. Глубоко вдохнув, она чеканит спокойным холодным тоном:

– Позовите администратора. Немедленно.

Посуда на подносе звенит, выдавая дрожь в руках официантки. Она почти плюхает поднос на стол, а потом резко разворачивается и впечатывается в мою грудь, потому что я по-прежнему стою за ее спиной.

Глава 3 Настя

Я была уверена в том, что хуже этот день стать не может. Утро начинается с того, что арендодатель невозмутимым тоном сообщает о повышении арендной платы. Как же так, ведь мы договаривались... Ага, на словах, никаких бумаг не подписывая. Молодец, Настя, форменная идиотка. Так сказала Анька, да и я сама себе так же говорила.

Но делать было нечего, съезжать и подыскивать новое жилье просто нереально в начале сезона, ну за приемлемую плату, я имею в виду. Наш домик и так нельзя назвать роскошным. Даже нормальным – и то с трудом.

Он маленький, из прихожей сделана кухня, куда впихнули диван, плиту, холодильник и пару шкафов кухонного гарнитура. Места таким образом не осталось, только узкий проход вдоль дивана. Комната небольшая и темная, с одним окном, в углу раскладной диван, напротив тахта, у окна стол и пара пластиковых стульев. Туалет на улице. Душ с бойлером тоже там. Но мне много и не надо, основное для жизни есть, и ладно.

В Ялту надо пятнадцать минут добираться на автобусе, а до остановки еще десять топать в горку, но зато цена грошовая. Мы сговорились, что я сниму этот дом с апреля по октябрь, а теперь нате вам, повышение. Оно, конечно, не очень большое, но когда на счету каждая копейка...

Нужно думать, как урезать расходы, потому что ничего уже не поделаться. Хоть теперь мы и составили все бумаги уже с большей суммой. Анька клятвенно обещала помочь, но мне сложно представить, где она будет доставать деньги, все-таки она к этому не привычна. И вообще, сидит с Андриюшкой. Кто-то же должен это делать, пока его непутевая мамочка пытается заработать копейки, чтобы он мог насладиться морем и горами.

Но подруге я все-таки благодарна, потому что с Андриюшкой она сидит по-настоящему здорово, то есть таскает его везде, где можно, и каждый вечер сын с восторженным блеском в глазах пересказывает подробности дня. Ну если, конечно, не сваливается раньше, чем я прихожу. А я частенько прихожу только к полуночи, потому что этот дурацкий ресторан (один из лучших в городе, и чаевые здесь самые большие) работает до половины одиннадцатого. А через месяц и вовсе начнет работать до полуночи. Но кажется, меня это уже не должно волновать, потому что я облажалась по полной.

Администратор Люба меня терпеть не может, это я знаю точно. Не знаю, правда, за что, потому что ничего плохого я ей не делала. Но она следит за каждым моим шагом и постоянно делает замечания. Так что любой вечер работы с ней сопровождается изрядными нервами.

Я тащу большой заказ за столик к двум богатыньким дамам. Не особенно разбираюсь в шмотках, но вижу их взгля-

ды, такими смотрят «люди высшего общества», как они себя называют. Иду, чувствуя, что от напряжения на лбу появляются капельки пота, дую на него, как будто это поможет. Ничего, главное, донести дурацкий поднос и не уронить. А потом женщина смотрит за мое плечо и произносит это имя.

Я не знаю, что на меня находит, да, имя редкое, но ведь не один Демьян живет в этом приморском городке? Или все-таки один? Да какая разница, когда прямо сейчас красное вино разливается по белому платью девушки?

Я так и стою, глядя тупым взглядом, вцепившись в поднос, словно он мой спасительный щит. Он уже не кажется мне ни тяжелым, ни неудобным, я просто его не чувствую. В висках пульсирует, словно сквозь пелену слышу свой собственный голос, а потом голос девушки. Позовите администратора. Все, это конец. Люба точно не будет меня защищать.

Опустив с обреченностью поднос на стол, резко разворачиваюсь, чтобы хоть на несколько минут сбежать от этого ужаса, вдохнуть воздуха в легкие, чтобы грудную клетку наконец перестало стягивать удушьем. Только ничего не выходит. На моем пути стоит он.

Стоит так близко, что в первое мгновение, когда мои глаза упираются в логотип на футболке с левой стороны груди, я смотрю, даже не понимая, что это. А потом поднимаю глаза и вдыхаю. Очень громко втягиваю носом воздух, потому что иначе точно грохнусь в обморок от недостатка кислорода.

Это действительно он. Тот самый Демьян, возможно, он и впрямь один тут на весь город.

Я стою, напрягшись до предела, с захваченным спасительным воздухом в груди, и смотрю. Он делает шаг в сторону, лишь мимолетно скользнув взглядом по моему лицу. На мгновенье растерявшись, я наконец начинаю идти, выдыхая. Мысли немного путаются, но потом сквозь несвязный поток пробивается первая: он меня не узнал. Я не успеваю ее осмыслить, как следует вторая: ты только что пролила вино на посетительницу, готовься, Настя, неприятности не заставят себя ждать.

Я даже не успеваю дойти до кухни, чтобы дать себе пару минут, Люба перехватывает меня за локоть, больно сжимая длинными наращенными ногтями.

– Ты что творишь, Любимова? – шипит в ухо. – Ты вообще понимаешь, что творишь, криворукая?

Я могу сказать, что оскорблять меня она не имеет права, но вместо этого только произношу:

– Они тебя позвали.

– Еще бы не позвали, – она тащит меня в сторону столиков, – молись, чтобы эта история не вышла за пределы ресторана, иначе тебе не поздоровится.

Я не отношусь к этим запугиваниям всерьез. То есть понимаю, что меня, скорее всего, уволят, но этим наверняка и ограничится. Если бы я знала в тот момент, насколько ошибалась.

Мы замираем у столика, где все еще стоит этот злосчастный поднос с едой. Он выглядит рядом с этими людьми так нелепо, словно каким-то странным образом прилетел из космоса и сам не рад тут находиться, да не знает, как убраться восвояси. Вдруг приходит мысль: ты выглядишь рядом с ними точно так же, Настя. Как на той злополучной вечеринке в отеле, когда двое пьяных парней насмеялись, указывая твое место.

Люба подталкивает меня в бок, и я, быстро схватив поднос, прижимаю его к себе, пока девушка рассыпается в извинениях и предлагает кучу способов загладить вину.

– Безусловно, мы возместим вам стоимость платья, – заканчивает она, чем вызывает нервный смешок.

– И кто будет возмещать? Эта неумеха? Да вы знаете, сколько стоит мое платье? – девушка называет цифру, и я тут же слышу звяканье тарелок на подносе, руки начинают дрожать.

Я вжимаю его под грудь почти до боли, а сама лихорадочно высчитываю: сколько же мне придется тут работать за ползарплаты, пока я расплачусь за испорченное платье? И на что мы с Андрюшкой будем жить?

– Мы что-нибудь придумаем, – Люба улыбается без остановки, словно у нее заело челюсть, но улыбка выходит неестественной.

Я даже не пытаюсь что-то изобразить, последние силы уходят на этот чертов поднос, который уже натер мне под

грудью красную полосу, по крайней мере, по ощущениям.

Смотрю вниз, стараясь не поднимать глаз, разглядываю кусок мяса, вокруг которого рассыпан зеленый горошек, а сверху лежит зеленый листик с капельками соуса, разлитого по тарелке и попавшего на него. Не к месту вспоминаю, что ела только перед сменой, и сглатываю. Они наверняка откажутся от ужина, ну или потребуют приготовить заново, а за этот тоже придется заплатить мне? Господи, проще сразу пойти и продать почку.

Я даже толком не слышу, чем заканчивается разговор, только когда Люба толкает меня, послушно иду в сторону кухни. Там грохаю на стол поднос, а она говорит:

– Ну что, Любимова, довольна собой?

Я молчу, на такой дурацкий вопрос ответить нечего. Чем я могу быть довольна?

– Короче, собирай манатки и вали.

– А зарплата? – все же смотрю на нее. Люба в удивлении вздергивает брови.

– Зарплата? Твоя зарплата пойдет на возмещение их ужина за счет заведения. Радуйся, что только этим отделалась.

Радоваться тут все равно нечему. Сегодня утром я отдала деньги за жилье, планируя через несколько дней получить зарплату. А теперь выходит, что у нас осталось несколько тысяч черт знает на какой срок. Пока я найду новую работу, пока дождусь аванса. Взять в долг особо не у кого. Вот жесть.

До остановки я плетусь, не замечая ничего вокруг, и, толь-

ко усевшись в старый громыхающий пазик, даю волю слезам, отвернувшись к окну. Совсем не так я представляла себе жизнь на море. Думала, тут будет ярко, радостно, всплески эмоций... Всплески, конечно, есть, но все не такие. Может, я совершила ошибку, решив провести полгода таким образом?

Но после смерти мамы я и так не видела белого света, впрочем, как и при жизни. Андрюшке был год с небольшим, когда она заболела. До этого именно мама сидела с ним, пока я работала. Болезнь забрала её за полгода, не смотря на все наши попытки помочь, больницы, лекарства...

Полгода, за которые я чуть не свихнулась, пытаюсь сохранить одновременно физические и моральные силы. Мама приняла болезнь стойко, пока были силы, проводила все свободное время с Андрюшей, стала больше улыбаться, радоваться каждому моменту. Я тоже старалась держаться, плакала по ночам в ванной, уверенная, что мама занимается тем же в своей постели. А утром снова улыбалась, стараясь создать хорошую атмосферу.

А потом мы остались вдвоём с Андрюшей. Первое время пришлось перебиваться случайными заработками, социальным пособием, помощью людей... Наконец, Андрюшу взяли в сад, и я смогла выйти на работу, на которой можно было стабильно зарабатывать. И вот спустя годы этого безумного дня сурка, в конце которого хочется застрелиться, я решилась на отчаянный поступок: уехать на полгода на море.

Слава Богу, Анька поддержала мою идею и примчалась из своего подмосковного Королева, бросив все. Хотя она и так бросала каждый год, так что ей не привыкать.

– Вот за это я тебя и люблю, – сказала мне, поздно вечером ввалившись в мой домик.

– За что? – удивленно спросила я.

– За безрассудность.

Но вот сейчас я еду в автобусе и думаю о том, что моя безрассудность была в этот раз слишком бездумной. Я ведь не одна на юг отправилась, как четыре года назад, у меня маленький ребенок, мой любимый сынок, о котором я должна заботиться, в завтрашнем дне которого должна быть уверена.

А вместо этого я по собственной глупости потеряла все деньги, отдав их за ужин... его же отцу.

Я словно только в этот момент осознаю, что встретила Демьяна. Отца Андриюши. Того самого невероятного мужчину, из-за которого одной летней ночью помутилось мое сознание.

Я пытаюсь восстановить в памяти его лицо, увиденное сегодня, но ни черта не получается. До того нервничала, что с трудом осознавала реальность, хватаясь за ощутимые якоря вроде этого долбанного подноса. На самом деле, Люба права, я легко отделалась. При желании с меня могли стянуть и за платье, и за ужин, и за моральный ущерб. И работала бы в этом «Мане» за спасибо еще несколько месяцев.

Какая насмешка судьбы. Ведь у них и так полно денег, а они обобрали бедную девушку с ребенком. И теперь сын Демьяна будет есть одну гречу, в то время как сам отец выкинет эти деньги на пару коктейлей в ночном клубе. Я потеряла лицо руками. Ладно, все это уже не имеет значения. Нужно думать, что делать дальше.

Выкарабкалась же я, когда узнала, что беременна, хотя это была та еще новость.

Я вспомнила, как через несколько дней после случившегося уехала из Крыма, как вернулась домой попутками, измотанная, усталая, оборванная. Мать тогда ничего не сказала, только губы поджала и ушла в свою комнату. Не разговаривала со мной еще недели три, пока однажды утром меня не вырвало. Накатило так, что с трудом успела добежать до туалета.

– Кажется, отравилась, – сказала на ее хмурый взгляд, вернувшись в кухню.

– Да ты уже вторую неделю, как отравилась, – высказалась мама.

Я удивленно захлопала глазами, пытаюсь понять, что она имеет в виду. Мать не стала церемониться:

– На юге поди подцепила мужика? Было?

Я молчала, пряча глаза. Было стыдно признаваться, но мама и не ждала моих слов.

– Ну вот он тебе подарочек и оставил, – подытожила, указав на мой живот.

Я инстинктивно его коснулась, а только потом поняла, куда мама клонит. Закачала головой, скорее, по инерции и в тот самый момент ясно поняла: я беременна. Мне не нужно было никаких тестов, анализов, внутренний голос, который я сама же игнорировала все это время, наконец прорвался в моей голове.

И сразу все стало на свои места: быстрая усталость, частые походы в туалет, потягивания внизу живота при резких движениях и...тошнота. Я села на стул, не отпуская руку от живота, уставилась в стык пола и стены, где торчал кусок линолеума, выбившийся из-под гвоздика и уже изрядно потемневший и потрепанный. Смотрела на него и думала: можно было положить на стыке плинтус, было бы красиво и сохранило от таких повреждений.

А потом тряхнула головой, впуская в сознание мысль: я беременна, и с этим надо что-то делать. Только вот я совсем не знала, что. Мне кажется, такой растерянности я не испытывала никогда. Просто не знала, и все. Подумала об аборте и тут же отогнала мысль, сердце заныло, в груди потяжелело. Как бы там ни было, я не могла пойти и убить собственного ребенка.

Я чувствовала, понимала: он уже есть, живой, у него душа. И словно ощутила его присутствие здесь, в маленькой обшарпанной кухне, рядом со мной. Это было так странно, иррационально, и вряд ли бы мне вообще кто-то поверил, скажи я такое, но я настолько осязаемо почувствовала его

присутствие, что на глазах навернулись слезы.

Подняла на маму испуганные глаза, застеленные влажной пеленкой. Она вздохнула, покачав головой, подошла и обняла меня. Я вжалась щекой в ее живот, чувствуя, как шершавые от многолетней физической работы ладони нежно гладят мое лицо. Потом она подняла мою голову, заставив посмотреть на себя. Я сглотнула, и слезинки, дрогнув, выкатились из глаз, покатались по щекам, оставляя мокрые дорожки. Мамины пальцы остановили их, размазав в стороны.

А потом она улыбнулась и сказала:

– Ничего, Насть, вырастим. Будет трудно, я тебе сразу говорю, но мы справимся.

Станным образом, но Андрюшка, еще даже не появившись на свет, растопил стену непонимания, что была между нами. И хотя мы частенько ссорились, отношения между нами несомненно улучшились. А потом мамы не стало, и мы с Андрюшкой остались одни, никому-никому не нужные.

Я иду вниз по дороге, подсвечивая телефонным фонариком. На юге темнеет быстро, и ночь становится иссиня чёрной, словно окрашенный туман, протягиваешь руку вперед, и она в нем тонет.

Сегодня я встретила Демьяна, отца моего ребенка. И он меня не узнал. Нет, я, конечно, не питала иллюзий, но где-то глубоко внутри думала, а вдруг... Счастливого вдруг не случилось. Случилось, что теперь я без работы и без денег.

Когда я спускаюсь на площадку перед домиками, лает Тю-

бик, соседский пес, маленький ободранный и хромой, но при этом весьма отчаянный. Правда, бояться его никому в голову не приходит. Захожу за калитку, тут же открывается дверь, Анька шепчет:

– Только уснул, а ты чего так рано? Перепугала меня. Тюбик ещё разорался...

Пройдя внутрь, падаю на диван, устало откидывая голову на спинку. Выдохнув, закрываю глаза.

– Эй, подруга, ты меня пугаешь, – Анька аккуратно трогает за плечо.

Я не рассказывала ей о той ночи и о том, кто отец моего сына, но и просто случившегося сегодня хватает, чтобы Анька начала тихо материться.

– Ладно, не переживай, – говорит она, когда поток красноречия иссякает. – Что-нибудь придумаем.

Если она любит меня за безбашенность, то я ее за неугасимый оптимизм. Обняв подругу, иду в душ, а потом проскальзываю в комнату. Часы показывают половину десятого. Андрюшка спит на боку, подложив под щеку ладошку, отчето щека кажется еще пухлее, а он сам милее. Присев на корточки, целую его, не боясь, что проснется, уж если уснул, то из пушки не поднять. Тут повезло. Глажу по светлым выющим на концах волосам и шепчу:

– Я что-нибудь придумаю, малыш, обязательно что-нибудь придумаю.

Глава 4 Демьян

– Ну меня это не удивляет, – усмехается Света, когда я чешу бровь, разглядывая пришедших собирать вещи.

Совершенно забыл о том, что моя помощница напоминала о переезде. Касторин посчитал не стильным, что мой офис находится в одной из частей отеля. А мне нравилось, очень удобно. Ну да дело решенное, переезжаем в общий офис, где трудятся сотрудники строительной фирмы. Обычно я там появлялся раз в пару дней, теперь буду мозолить глаза и пугать все время.

– Ладно, съезжу в «Южный склон», – поднявшись, тянусь, разминая тело. – Все равно уже несколько дней туда собираюсь.

Света не отвечает, начинает разбор полетов, а точнее, вещей, вместе с двумя помощницами.

Погода сегодня удивительно ни к черту, с утра небо заволкло тучами, дует преддождевой ветер. Все время кажется, что вот-вот хлынет. «Южный склон» находится в малой Ялте, это небольшой уютный отель на взгорье, уединенное местечко с красивым ландшафтом. Сюда приезжают те, кто устал от шума и хочет спокойно провести время. Конечно, «Южный склон» дешевле, чем основной отель, но тоже предполагает высокий уровень благосостояния владельцев, которые чаще всего представляют собой семейные пары за сорок.

Причина моей поездки туда – дурацкий слушок, который подкинул один знакомый, мол, местный управляющий Артур развлекается с женским персоналом, что называется, без разбора. Учитывая, насколько это место тихое и небольшое, слух может пойти среди посетителей, а такой репутации мне точно не надо. Хочу убедиться, имеет ли все это под собой реальную основу или нет. Артур в целом хорошо работает, да и пришел тоже по знакомству... Черт, уже и не знаешь, что делать с этими знакомствами...

Дорога на «Южный склон» уходит с трассы резким поворотом и дальше все время поднимается вверх. Мне говорили, что отсутствие транспорта – большой минус, идти до остановки сорок минут никто не захочет, а тем паче обратно в гору подниматься. Но я все равно рискнул, уж больно мне понравилось само место. И не прогадал, хорошая рекламная кампания привела сюда своих отдыхающих. Тем более что я выделил машину с водителем для их удобства. И данная затрата окупилась с лихвой.

Заезжаю на стоянку возле отеля, сегодня здесь пусто, наверное, непогода разогнала всех по номерам, а может, гуляют в городе, как знать. Резкий порыв ветра бьет в лицо, шурясь, иду в сторону дверей. На ресепшен меня встречает Галя, она работает тут с открытия, улыбчивая и миловидная девчонка.

– Демьян Александрович, здравствуйте, – радуется вполне искренне. – А вы чего к нам?

– Артур у себя?

– Да. У него собеседование, девушка на должность уборщицы. Сообщить, что вы пришли?

– Не надо, – останавливаю Галю, когда она уже тянется за трубкой, – подожду.

Я иду в сторону кабинета управляющего, оглядываясь. Вроде бы все нормально. Подхожу к двери в конце коридора, но не успеваю постучать, она распахивается и на меня вылетает... вчерашняя официантка. Она тяжело дышит, глаза наполнены злостью, кулаки сжаты. Правда, стоит ей увидеть меня, как она теряется, открывает и закрывает рот, так ничего и не произнеся. Забавно, выходит, она пришла сюда на работу устраиваться? И чем же ее так разозлил наш Артур?

Догадка приходит сама собой, и когда девушка, бросив «извините», пытается меня обойти, я хватаю ее за локоть. Она поднимает взгляд, в котором вместе с удивлением мелькает испуг.

– Он к тебе приставал? – спрашиваю, глядя на нее.

Девчонка вспыхивает, как факел, в глазах снова появляется злой блеск. Выдернув руку из моего захвата, оглаживает платье и произносит:

– Извините, мне пора.

Ну уж нет. Пока я не разберусь в произошедшем, никуда ты не пойдешь. Снова хватаю ее, на этот раз за запястье, отмечая, какое оно тонкое, и тащу за собой в кабинет. Артур, сидящий в кресле за столом с недовольным видом, увидев

меня, теряется. Медленно встает, переводя взгляд с меня на девчонку и обратно. Не надо быть большим физиономистом, чтобы понять: он испугался.

– Ты какого черта творишь? – произношу угрожающе, приближаясь к его столу. Девчонка стоит на месте, не двигаясь. Артур снова кидает на нее взгляд.

– Демьян, да вы что... Да я... Кому вы верите? Этой малолетней шлюхе?

Мне хочется врезать по его холеной морде, но я не успеваю ничего ответить, потому что в наш диалог вклинивается источник раздора.

– Лучше замолчите, – она приближается неровным быстрым шагом, замирает рядом со мной, выставив вперед палец. – Вы гнусный извращенец, понятно?! И я ничего не говорила ему, – кивает в мою сторону, – он сам понял. Потому что на вашем лице все написано. А попробуете меня оскорблять, я на вас в суд подам.

Звучит, конечно, смешно, но девчонка выглядит воинствующе, опять тяжело дышит и злится. Я невольно опускаю взгляд на ее грудь, а потом сам себя одергиваю. Ну ты, Демьян, нашел время.

– Подожди меня в коридоре, – произношу ей спокойно, девчонка переводит на меня удивленный взгляд. – Суть конфликта я понял.

Она как-то сразу теряется, отступает спиной, а потом, быстро развернувшись, уходит. Я почти уверен в том, что,

выйдя из коридора, никого не обнаружу. Смотрю на Артура, который так и стоит за своим столом, нервно на меня поглядывая.

– Демьян, я... Ты не думай, я никого не принуждаю. Ну предложил симпатичной девчонке перепихнуться... Нет, так нет. Обычно никто так не взрывался, – он осекается, поняв, что проговорился. Я вздергиваю бровь.

– А секс у нас теперь отдельный пункт при приеме на работу? – интересуюсь спокойно. Вообще-то, мне глубоко плевать, сколько девиц он оприходовал на собеседованиях, раз уж они сами перед ним ноги раздвигали, значит, были не против. Но то, что пошли слухи – большой косяк. Лучше надо скрывать свои пороки.

Демонстративно посмотрев на часы, произношу:

– У тебя десять минут, чтобы собрать вещи.

Отойдя от стола, сажусь на диван, Артур все так же стоит, глядя с растерянностью.

– Но... Демьян... – мямлит он, я кидаю на него взгляд.

– Я что-то невнятно сказал? Галя позвонит, когда надо будет прийти за расчетом.

Артур еще несколько мгновений растерянно моргает, потом начинает бестолково выдвигать ящики стола. Он укладывается в девять минут и уходит практически налегке. Открыв дверь, я натываюсь взглядом на девчонку в светлом платье, она при нашем появлении вскакивает со стула. Все-таки не ушла, даже удивительно.

Смотрю на нее и понимаю: она бы ушла, но работа ей очень нужна. Киваю Артуру в сторону лестницы, бросив злой взгляд на девчонку, он начинает спускаться вниз. Когда его спина, обтянутая легкой рубашкой, прилипшей к спине в районе позвоночника, исчезает за поворотом, говорю девушке:

– Подожди еще чуть-чуть, – и закрываю дверь кабинета. Пройдя за стол, сажусь в кресло, бегло смотрю бумаги. Сверху анкета для собеседования. Ну-ка, что мы имеем. Анастасия Любимова, двадцать два года, не замужем. Прописка далеко не южная. Значит, приехала на сезон поработать и насладиться морем. Ага, наслаждается изо всех сил.

Усмехнувшись, вспоминаю ее вчерашние испуганные глаза, полные тупого отчаяния. Вообще-то, не в моих правилах брать на работу абы кого, тем более яснее ясного, что девчонка осенью уволится. Опыта у нее нет... Я вздыхаю. Но мне ее жалко. Вот уж удивительно, обычно я жалостливым становлюсь только по-пьяни.

– Не дури, Демьян, – бормочу вслух, дочитывая анкету, – откажи ей, и пусть ищет другую работу.

И все же, когда выхожу из кабинета и ловлю ее взгляд, произношу самую тупую фразу, которую только можно:

– Вам перезвонят, хорошо? Пока ничего не могу сказать точно.

Даже на вы перешёл, отчего фраза ещё более тошно прозвучала.

Девушка на мгновение теряется, а потом, выдавив улыбку, кивает и начинает спускаться по лестнице. Я слежу за ее уходом и почему-то чувствую себя козлом.

Спустившись к Гале, говорю:

– Артур тут больше не работает. Размести вакансию о поиске нового управляющего... А может, ты сама, Галь?

– Что сама? – смотрит она испуганно.

– Займешь его место. Ты тут с открытия, все знаешь, ответственная, уверен, ты справишься.

– Демьян Александрович, но это же такая работа... Это не на ресепшн стоять...

– Давай попробуем, – улыбаюсь ей, а сам думаю о девчонке. Галю, значит, готов взять без опыта в управляющие, а той отказал в должности уборщицы. Но Галю я знаю, а эту девчонку нет.

– Ладно, – хлопаю по столешнице ладонью, отвлекая себя от мыслей и подводя итог, – перемещайся в его кабинет понемногу, а на свое место найди кого-нибудь.

– Хорошо, Демьян Александрович, и... спасибо.

Киваю, задумчиво глядя в стену, а потом иду к выходу. Дождь начинается, когда я открываю дверцу машины. Первые крупные тяжелые капли падают на стекло, ветер, срываясь, поднимает пыль на дорожке. Быстро сажусь в машину, и вовремя, проезжаю не больше ста метров, когда с неба начинает лить так, что перед стеклом собирается пелена воды. Разогнав ее дворниками, медленно спускаюсь в сторону

трассы и очень скоро вижу тонкую съезжившуюся фигурку девушки в белом летнем платье.

Правда, сейчас платье прилипло к ее телу, очертив тонкую осиную талию, стройные ноги и вполне себе привлекательную задницу, не тощую, как можно было бы предположить.

Качнув головой, торможу возле девушки, перегнувшись, открываю дверцу. Она стоит, обхватив себя за плечи, шмыгает носом, волосы прилипли к лицу и висят паклями. Хорошо, что не злоупотребляет косметикой, вокруг Эльзы в такой ситуации уже была бы разноцветная светящаяся лужа.

– Садись, – говорю громко, она колеблется, но произносит:

– Я вам весь салон залью.

– Он кожаный, высохнет.

Бросив еще один взгляд на небо, девушка все же ныряет в салон, захлопывает дверцу, отрезая нас от шума дождя и ветра. Я плавнодвигаюсь с места, интересуюсь:

– Куда подкинуть? Я еду в центр.

– Можете высадить меня на остановке возле гостиницы «Интурист», – произносит она, я молча киваю. Интересно, у нее там очередное собеседование?

Бросаю искоса взгляд, Настя сидит, обхватив себя ладонями за локти и глядя в окно. Я вижу красивую небольшую грудь без бюстгалтера, платье настолько прилипло к телу, что кажется, его вовсе нет. И это возбуждает... Чёрт возьми, реально возбуждает. Как и стройные ноги, которые она сжи-

мает, пряча стопы под сиденье.

Неудивительно, что Артур на нее польстился. Даже будучи мокрой курицей, мокрой и очень худой курицей, она выглядит аппетитно. Да ладно, Демьян, усмехаюсь сам себе, ты чего, возбудился от малолетки в мокром платье? Серьезно? Кажется, пора позвонить одной из своих «подруг», как тактично назвал их Касторин. Надо было вчера переспать с Лизой, а не везти ее домой, тогда бы и не смотрел на тощих девчонок младше почти на десять лет.

Но Лиза меня в последнее время так бесит, что спать с ней не хочется от слова совсем, тем более что в постели она откровенно не впечатляет.

За этими мыслями сам не замечаю, как доезжаю до города, а вскоре и до остановки. Дождь еще идет, но уже не стеной, капает моросью. Я торможу следом за автобусом.

– Спасибо вам, – кивает Настя, не глядя на меня, и вылезает.

Ее появление встречает удивлением полная девушка около тридцати с ребенком. Тот, увидев Настю, бежит к ней и обнимает за ноги. Она, смеясь, присаживается на корточки и целует его. Теперь он обнимает ее за шею и с улыбкой что-то рассказывает. Мальчишка явно не сын подруги, совсем не похож, неужели Настин? Во сколько же она его родила? Лет в восемнадцать-девятнадцать?

Честно сказать, я не силен в возрастах детей, я вообще с ними не имел дел. В любом случае, учитывая, что она не

замужем, значит, залетела. Автобус отъезжает от остановки, фырча и плюясь дымом, и я наконец отмираю и двигаю за ним. Точнее, обгоняю и еду в сторону дома. Пожалуй, рабочий день на сегодня можно считать законченным.

Очень надеюсь, что меня никто не будет беспокоить, но как только захожу в квартиру, слышу звонок по телефону. Мама заедет через двадцать минут. Быстро приняв душ, залезаю в холодильник, но ничего поесть не успеваю, звонят в дверь.

Мама, поцеловав в щеку, проходит и усаживается в гостиной, пока я совершаю очередной набег на холодильник. Два раза в неделю приходит моя домработница Роза, убирается и готовит, – еще одна находка после Светы. Пока грею ужин в микроволновке, мама говорит, качая головой:

– Зря ты так с Эльзой, между прочим, она в тебя давно влюблена.

– Она влюблена в мои деньги и мое положение, мы оба это прекрасно понимаем.

– Странно, что ты при этом не понимаешь, что и она подходит тебе по всем тем же параметрам.

– Мам, давай я скажу прямо один раз, – я достаю тарелку и ставлю ее перед собой на барную стойку. – Я не собираюсь жениться на Эльзе, я вообще не собираюсь... – тут я осекаюсь, вспоминая разговор с Кастириным. Мама поджимает губы.

– Демьян, ты не мальчишка, но иногда ведешь себя, как

подросток, честное слово. Тебе тридцать один год, у тебя на носу предвыборная кампания, сколько еще ты планируешь менять девок, как перчатки?

– Недолго, – отвечаю, отправляя еду в рот. Она рассматривает меня с особым вниманием.

– Надеюсь, ты сделаешь правильный выбор, сынок, – говорит, поднимаясь, – Соломоновы серьезные люди, а ты и так, насколько я понимаю, успел не раз затащить Эльзу в постель.

Я только глаза закатываю. Представляю, сколько у нее было таких «и так» и без моего участия.

– Я же сказал, что не женюсь на Эльзе, – повторяю спокойно.

– А на ком? У тебя есть подходящие варианты? Или... – она вдруг прищуривается. – Или ты все надеешься, что твоя Дарина вернется?

На миг я позволяю себе поддаться эмоциям, лицо становится жестким и непроницаемым, мама сразу теряется и торопливо добавляет:

– Ладно, извини, я не хотела... Просто если ты питаешь пустые иллюзии на эту тему...

– Мам, ты верно заметила, я не подросток. Так что не приписывай мне страдания юного Вертера.

Еще немного поглазев, она поднимается.

– Ну хорошо. Ты у меня разумный мальчик... Уверена, примешь правильное решение.

Я провожаю ее до дверей, а потом устало падаю на диван.

Вот умеют близкие люди поднимать самые неприятные темы и беречь давно забытые раны. К черту Эльзу, и Касторина с его идеями, и все остальное. Сегодня мне определенно не помешает расслабиться.

Я еду в бар к Темычу и, усевшись в вип-зоне, пропускаю несколько бокалов виски вместе с другом. Артем Астахов, пожалуй, единственный мой близкий друг, мы с ним с детства вместе, еще когда ни о каких деньгах и положениях речи ни шло. Так и плывем в одной лодке: детство, школа, московский институт, возвращение на родину и бизнес. Я преуспел быстрее, конечно, помог другу деньгами. Теперь он владеет несколькими барами на побережье и в ус не дует, живя в удовольствие.

Я с некоторой тоской думаю, если бы не подался в политику, можно было еще лет десять спокойно жить, ни о чем не беспокоиться. А теперь только и думы, что об этой идее Касторина с женой и ребенком.

Я перевожу взгляд на девицу, что активно меня обнимает, Темыч притащил ее черт знает откуда, блондинка с большой грудью и пьяными глазами, готовая на все. То, что мне на сегодня надо.

– Расслабься, друг мой, – подмигивает Темыч, уходя из вип-комнаты с такой же доступной брюнеткой.

Верные слова, Астахов, ох верные. Девица сползает на колени и, разместившись у меня между ног, начинает растягивать ремень. Просто шикарно, даже никаких прелюдий не

надо. Я откидываю голову на спинку дивана и закрываю глаза.

Еще через час мы с Темой сидим вдвоем, треплемся о разном. Ему я, конечно, рассказываю о фиктивном браке. Друг долго смеется, а потом выдает:

– Серьезная авантюра, Дема. Ты вообще представляешь, что такое быть отцом?

– Ты, можно подумать, представляешь, – фыркаю в ответ.

– Нет, и не хочу. Я бывал в гостях у сестры, у нее двое, и я скажу тебе: это форменный дурдом.

– Но у меня будет ненастоящая семья, – напоминаю ему, – по факту, нужно только светиться на камеры, а в квартире мне не обязательно изображать счастливого отца семейства.

– Ладно, дело твое, решение, конечно, неординарное, в стиле Касторина, он любит выдать что-нибудь эдакое. Ну и кто же у нас счастливая избранница?

Я не успеваю ответить, раздается стук в дверь, и на Темкино «да» заходит официантка с подносом, на котором стоит новая бутылка виски. Бутылка-то новая, а вот официантка нет. Я даже усмехаюсь: кажется, эта Настя Любимова за два дня успела стать частью моей жизни.

Глава 5 Настя

Конечно, он мне отказывает. Прикрывшись формулировкой «мы вам позвоним». Но по его взгляду я понимаю: ни черта он не позвонит, как и этот его управляющий Артур, который сначала распинался о том, что им не нужна сотрудница на пару месяцев, а потом предложил способ решить проблему.

Но Демьян ничего не предлагает, просто сливается. И даже тот факт, что он подвез меня до города, не улучшает моего отношения к нему. Конечно, приморские городки не славятся большими размерами, но не настолько же, чтобы мы столкнулись дважды за два дня? Оказывается, настолько, и даже больше.

Моя знакомая официантка из «Мане» Алена подрабатывает в местном баре, вот и предложила выйти за нее, мол, она обо всем договорилась. Я волнуюсь, но деньги не лишние, так что иду. Работы много, выпивка льется рекой, не то что в ресторане, где все чинно и благородно. Здесь царит веселье. А потом меня отправляют в vip-кабинет, где по словам бармена, насмешливого парня примерно моего возраста, хозяин с его дружкой развлекаются с девочками.

Честно сказать, я иду туда, готовясь увидеть что угодно, но только не Демьяна. Кроме него в кабинете еще один мужчина лет тридцати, и никаких девиц. Однако зайдя, я сразу

чувствую запах женских духов и... секса, даже несмотря на открытое окно. Меня внезапно прошибает волна воспоминаний о той ночи, что была между нами. Совершенно не к месту, тем более что я так упорно гнала все мысли о том эпизоде. Мотнув головой, прохожу под внимательным взглядом мужчин и ставлю бутылку на стол.

– Новенькая, что ли? – спрашивает друг Демьяна.

Я замираю, чувствуя, как екает сердце. Главное, не подставить Аленку и остальных. Прижав поднос задней стороной к груди, произношу, кивая:

– Да.

– Как зовут?

– Настя.

Зачем-то кидаю взгляд на Демьяна, он сидит, поставив локти на колени, и не сводит с меня взгляда. Становится очень неудобно. Что, если он сейчас расскажет этому мужчине, что я криворукая и вообще ни на что не гожусь? По крайней мере, именно такое впечатление я прочитала в его глазах в «Южном склоне».

Мужчина кивает, я ухожу, чувствуя все тот же внимательный взгляд Демьяна. И только за дверью глубоко выдыхаю. Да почему же судьба все время сводит нас вместе? Вспоминаю, как он сидел в машине и смотрел в окно, когда мы с Андрюшей обнимались. На мгновение мелькнула шальная мысль: он сейчас догадается, – и мне самой стало от нее смешно.

Догадается о чем? Он меняет девиц, как перчатки, и одна из них, с которой он переспал по-пьяни четыре года назад, вряд ли отложилась в голове. И уж тем более шальная мысль об отцовстве не придет ему в голову. И тем не менее, этот его внимательный изучающий взгляд меня чем-то пугает.

До конца смены я больше не вижу ни его, ни второго мужчину. Но облегченно выдыхаю, только когда выхожу из бара с приятной суммой в кармане. Как хорошо, что у меня появились хоть какие-то знакомые, которые могут помочь. Домой я возвращаюсь на такси далеко за полночь и сразу проваливаюсь от усталости в сон.

Утром просыпаюсь от манящего запаха кофе. Денег может не быть совсем, но этот напиток подруга обязательно где-нибудь надыбает, жить без него не может. Потянувшись, смотрю на часы и охаю: начало одиннадцатого!

– Привет, соня, – заглядывает в комнату Анька. – Мы с Дрю решили тебя не тревожить и прогулялись к морю одни. Надеюсь, ты на нас не в обиде.

Качая головой, смотрю на подругу с благодарностью. Что бы я без нее делала? Ясно что, тряслась бы обратно в душном вагоне поезда, так и не показав толком ребенку моря.

– Мам, я соскучился, – Андрюша залезает ко мне на колени, когда я сажусь на диван возле стола, – ты же сегодня проведешь день со мной?

Я должна сказать ему, что мне надо искать работу, обязательно сходить хотя бы на одно собеседование, но, видя

его глаза, решаю устроить выходной. Всего один, а потом я непременно найду способ заработать. После завтрака, а для моей компашки обеда, мы немного играем, а потом сын ложится спать. Мы сидим с Анькой на диване, потому что на улице жарко, а в комнате царит хоть и душная, но прохлада.

– Ничего, – подбадривает меня подруга, – как говорится, когда закрываются одни двери, открываются другие. Уверена, в ближайшие дни что-нибудь подвернется, не расстраивайся. К тому же у тебя есть я, так что прорвемся.

Мы обнимаемся и некоторое время так сидим. Я очень ей благодарна за поддержку, хотя с каждым днем мысль о том, что не нужно было все затевать, становится более отчетливой. Ясно одно – за этот месяц деньги у меня точно не появятся, и домой ехать не на что. Придется перекантоваться здесь, а потом, скорее всего, двинуть обратно. Не слишком удачная выдалась поездка на юг. Впрочем, как и в прошлый раз.

Испытание морем я не прошла, а жаль. Я просто до одури влюблена в эти узкие улочки с низенькими домиками, в море, разбивающееся белой пеной о волнорезы и шуршащее круглыми камнями, которыми усеян берег. Люблю атмосферу этого города, распорядок жизни, удушливую жару даже, сменяющуюся пока еще легким прохладным вечером. Стремительные закаты, после которых город погружается в синюю мглу, и в ней не видно ничего, если только не горит где-то рядом тусклый желтый фонарь. И можно брести в темноте

и слушать, как сбоку шумит море, большое, мощное, сила, не подвластная человеку, такая торжественная и страшная одновременно.

– Смотри, мам, я нарисовал картинку, – Андрей протягивает мне листок и начинает деловито рассказывать, где тут море, где солнце, где облака.

Я понятливо киваю, хотя и без него догадалась, у сына явные способности к рисованию. Когда многие в этом возрасте только начинают выводить очертания предметов типа круга, квадрата и прочего, у него уже выходит более-менее сносная картинка. Этот талант явно не с моей стороны, я рисую, наверное, хуже, чем он сейчас. В любом случае очень постараюсь не зарыть эти способности.

Анька зовет Андрея купаться, он, оставив рисунок, забавно скачет по гальке в сторону воды. С разбега заныривает, подруга, смеясь, его подхватывает. А ведь в первые дни сын боялся моря, оно казалось ему таким большим, что он не заходил дальше голеней.

Я закрываю глаза, подставляя лицо послеобеденному солнцу, почему-то вспоминая первые годы Андрюши. Было действительно тяжело, намного тяжелее, чем я думала. Несмотря на огромное счастье, которое подарил мне сын, войдя в мою жизнь, я была очень истощена морально и физически.

Просто не была готова к такой резкой смене жизненных ориентиров, когда твое «я» в один момент вырывают

и отбрасывают в сторону, потому что ты нужна, физически нужна кому-то другому настолько, что никуда не деться. Вспомнились бессонные ночи, слезы в подушку, недосып, отражающийся днем в состоянии непроходимого кама-тоза... День сурка, бесконечный, однообразный, выматывающий и... счастливый, все равно счастливый.

Андрюша громко смеется, открыв глаза, вижу, как Анька кружит его в воде. Так, пожалуй, я не прочь присоединиться к этой компании. Остаток вечера проходит на ура, мы покупаем мороженое и съедаем его по дороге домой. Приходим усталые, но довольные.

После ужина читаем и рисуем, а потом сын быстро засыпает, на юге у него это вообще выходит на ура, видимо, тратит много сил, не только физических, но и эмоциональных.

Мне бы эти силы, кстати, тоже не повредили. Потому что следующие три дня проходят в бесплотных попытках устроиться на работу. Почти везде мне отвечают все тем же «мы вам перезвоним». Не знаю, что конкретно их смущает: скорее всего, тот факт, что я могу свинтить в любой момент. Да и среди местных немало желающих работать. Может, не хотят поэтому отдавать должность приехавшим.

Оптимизм во мне начинает угасать, несмотря на Анькины попытки поддержки. Я почти уверяюсь в мысли, что скоро придется паковать вещи: как только удастся заработать достаточно денег на отъезд.

Утром четвертого дня я просыпаюсь от телефонного звон-

ка с неизвестного номера. С бьющимся сердцем снимаю трубку: вдруг с работы? И очень удивляюсь, услышав слова поздоровавшейся со мной девушки:

– Вас беспокоят из гостиницы «Южный склон». Вы оставляли анкету для приема на работу, мы бы хотели встретиться еще раз, если вы не против.

Ничего себе! Демьян все-таки решил меня трудоустроить? Или после ухода того мерзкого управляющего новый нашел мою анкету и надумал позвонить? Как бы то ни было, отказываться я не собираюсь.

– Сможете приехать сегодня около четырех? – задает вопрос девушка, и я соглашаюсь.

– Ты отлично выглядишь, – говорит Анька, пока я придиричиво разглядываю себя в зеркало. – И вообще, такое ощущение, что ты идешь не в уборщицы устраиваться, а в директора.

Я натягиваю улыбку, перекидывая волосы на одно плечо. Конечно, подруга права, но я сама не знаю, отчего меня так зациклило. Когда посмотрела на свой гардероб, то сразу вспомнила тот самый сарафан, который повеселил Демьяна и парней. Не хотелось чувствовать себя оборванкой. Хотя наверняка я для таких, как они, в любой одежде оборванка. Но я довольна тем, как выгляжу: легкая рубашка и бриджи, распущенные волосы, немного туши на ресницах.

Поцеловав сына в вихрастую голову, думаю, что неплохо

бы его постричь. Может, с зарплаты, если повезет, конечно.

К гостинице «Южный склон» я подхожу за пятнадцать минут до назначенного времени, на ресепшен сидят две девушки, одна из них та, что была в прошлый раз, но когда она выходит из-за стойки, успеваю прочитать на ее бейдже. «Управляющая гостиницы». Ого, оперативно сработала, однако.

– Идемте, – улыбается мне девушка, шествуя к лестнице, мы приходим к тому же кабинету. – Прошу, – еще раз улыбнувшись, она открывает дверь, а я несмело ступаю внутрь.

За столом сидит Демьян, а по другую сторону мужчина к сорока в очках. Хмурясь, смотрю на них, слыша, как закрывается за мной дверь. Демьян окидывает меня изучающим взглядом и молчит, в то время как второй мужчина, поднявшись и поправив дужку очков, протягивает руку.

– Меня зовут Евгений Борисович, – говорит, когда я неуверенно отвечаю на рукопожатие, – у нас к вам есть разговор, Анастасия Андреевна.

Перевожу взгляд на Демьяна, и душа уходит в пятки. Приходит ужасная мысль: он узнал правду. Вспомнил меня, и теперь хочет забрать Андрюшку! Пока я лихорадочно воображаю, что делать, Евгений Борисович подводит меня к дивану и усаживает. А сам возвращается на свой стул. Перевожу взгляд с одного на другого, пытаюсь набраться смелости. Я не отдам сына. Пусть хоть что делают. Но предательский страх расползается по коже, ладони потеют, а сердце испу-

ганно замирает, пропуская ходы.

– Анастасия Андреевна, – начинает говорить Евгений Борисович, – во-первых, хотелось бы сразу сказать, что наш разговор носит конфиденциальный характер и не может быть разглашен никому. Поэтому вам придется подписать вот этот договор.

Мне суют в руки листы, текст на которых я с трудом вижу из-за дрожащих рук и разбегающегося внимания.

– В нем ничего такого нет, – поясняет мужчина, – вы соглашаетесь не разглашать услышанную здесь информацию. В противном случае Демьян Александрович может обратиться в суд.

Я неуверенно усмехаюсь. Что здесь вообще происходит? Что они задумали? Будут мне угрожать, а я должна молчать, чтобы у меня не забрали все, что я имею?

– Там также есть пункт, что информация не должна нести угрозы вашей жизни, – Евгений Борисович словно читает мои мысли. – Поясню, чтобы вы не волновались. Демьян Александрович планирует заняться политической карьерой, и это единственная причина, по которой нам приходится идти на подобные меры.

Несколько секунд я смотрю мужчине в глаза, он кажется безобидным, даже тюфяком, но я сильно сомневаюсь, что он таков на самом деле. Но что они хотят мне предложить? У меня нет ни одной мысли. Точно не работу уборщицей в «Южном склоне».

Я все-таки протягиваю руку, Евгений Борисович вкладывает в нее ручку. Демьян все это время молчит, изучая меня. Ох, не нравится мне все это.

Когда с формальностями покончено, и договор приземляется на стол, Евгений Борисович начинает говорить.

– Давайте начнем с начала. Это, – он указывает на Демьяна, – Демьян Александрович Третьяков, владелец данной гостиницы и еще разной недвижимости на побережье. Он влиятельный и известный на юге человек, построивший свою карьеру сам с нуля. И сейчас собирается заняться политикой. Мы готовим ему предвыборную кампанию, однако нас смутил один момент: Демьян Александрович, скажем так, вел до сих пор весьма свободный образ жизни. Я имею в виду женщин. И для него это большой минус. Мы подумали, что в рамках нашей кампании можно попробовать повернуть некоторый фокус.

Евгений Борисович кидает взгляд на Демьяна, но тот только хмурится и молчит, а я вот напрягаюсь все больше и больше.

– Мы придумали романтическую историю, – продолжает мужчина, – исходя из которой у Демьяна Александровича несколько лет назад случилась история любви, однако девушка сбежала, и он не смог ее найти. И вот, спустя время они встретились, чувства вспыхнули с новой силой. К тому же оказалось, что тогда девушка забеременела, и теперь Демьян Александрович станет не только счастливым возлюб-

ленным, но и отцом.

Ничего не могу поделать, чувствую, как краска медленно сходит с моего лица. Евгений Борисович смотрит таким пронзительным взглядом, что я начинаю думать: вся эта история – просто бравада, и сейчас он прищурится и скажет что-то вроде «так ведь и было на самом деле, да, Анастасия Андреевна»?

«Они не могут знать, не могут», – бьется в голове. Я продолжаю молчать, и Евгений Борисович, снова переглянувшись с Демьяном, произносит:

– Мы предлагаем сыграть вам роль этой девушки. Разумеется, не бесплатно, – берет со стола визитку и пишет на ней что-то, а потом переворачивает написанное ко мне. Я неприлично широко открываю рот. Сумма в евро, и мой мозг, лихорадочно соображая, пытается перевести ее в рубли. Но даже без этого вижу: таких денег нам с Андрюшкой хватит, чтобы беспрепятственно прожить пару лет.

– Я не совсем понимаю... – произношу внезапно севшим голосом, Демьян меня перебивает.

– Что непонятно? – говорит с легким раздражением в голосе. – Тебе нужны деньги, мне девушка с ребенком, чтобы сыграть семью на время предвыборной кампании. Гипотетически я мог стать отцом твоего сына, остальное придумают рекламщики. Ты получишь крупную сумму денег за несложную работу. Что тебе не нравится?

Я открываю и закрываю рот, так ничего и не сказав. То,

что он не помнит ни меня, ни ту единственную ночь, что мы провели вместе, я поняла давно. А знать, что отец моего ребенка он совсем не гипотетически, ему вовсе ни к чему.

Немного облегченно выдыхаю. Не нужен ему мой сын, ему вообще никакой сын не нужен. У него вон что: политическая карьера. А женщины только ради удовольствия на одну ночь, уж я знаю не понаслышке. Но господи, как вообще можно было придумать подобное? Я поднимаю взгляд на Демьяна, который продолжает смотреть исподлобья. Такое ощущение, что он сам не рад тому, что предлагает мне.

– Но почему я? – задаю вопрос, он отводит взгляд, вздыхая.

– Мы рассматривали разные варианты, Анастасия Андреевна, – включается в разговор Евгений Борисович, – но мало кто подходил по всем пунктам. А тут Демьян Александрович вспомнил о вас, совершенно случайно. Я стал проверять, и... все сошлось. Мы можем быть полезны друг другу, разве нет? Я понимаю, предложение неожиданное, и вам, наверное, нужно время, чтобы все обдумать. Пару дней хватит? И помните о неразглашении.

Я киваю, понимая, что аудиенция подходит к концу.

– Если надумаете согласиться, – продолжает мужчина, – или появятся вопросы, которые хотели бы уточнить, можете смело звонить мне, – он протягивает свою визитку, я принимаю ее, даже не глядя. Настолько растеряна, что не осознаю до конца происходящее. Такое бывает в жизни, серьез-

но? Такие вот предложения, такие деньги? За то, чтобы сыграть на пару месяцев семью?

А потом я думаю об Андрюшке, о том, что он сможет провести два месяца, ни в чем не нуждаясь, и я буду всегда рядом. А когда мы вернемся домой, я смогу купить ему кучу новой одежды, игрушек, отдать в хорошую студию по рисованию, да столько всего можно сделать... Пока я буду думать, они могут найти кого-то другого, девушку, которая не будет идиоткой, а сразу ухватит удачу за хвост, пока я тут размышляю.

Я сдавливаю карточку в руках так сильно, что она сминается. Бросив взгляд на Демьяна, который теперь не проявляет никаких эмоций, смотрю на Евгения Борисовича. А после произношу тихим голосом:

– Я согласна.

Глава 6 Демьян

И с чего я решил, что это хорошая идея? Вот сейчас смотрю на девчонку и не разделяю радости Касторина. Малолетняя бродяжка, не иначе. Во что там влюбляться до беспмятства?

Я и предложил ее скорее от безысходности, сдуру. Потому что Касторин за два дня умудрился мне вынести мозг своими вариантами баб. Которые так или иначе не подходили. А потом я вспомнил эту Настю и зачем-то ляпнул про нее. Касторин нарыл нужную информацию и сказал, что это идеальный вариант.

И этот идеальный вариант сидит сейчас на диване в дешевых потертых шмотках и смотрит на Касторина с испугом во все глаза. Он-то и в этом всем умудрился найти плюсы. По его мнению, так даже лучше, любовь, не ведающая преград и социального положения.

– Мы очень рады, что вы приняли такое решение, – заливается тем временем Касторин, – давайте сделаем так, Демьяну Александровичу надо сейчас вернуться в офис, а мы с вами где-нибудь перекусим и все обсудим. Я расскажу вам подробности, и договоримся, как будем действовать.

Мы расходимся на парковке, я смотрю, как Настя усаживается в машину Касторина, и только когда они уезжают, падаю за руль. Некоторое время пялюсь в никуда, а потом за-

вожу двигатель. Сегодня у меня еще одна встреча, а потом надо будет все хорошенько обсудить с Кастириным. Потому как я до сих пор смутно представляю, как будет все происходить.

Встреча проходит мимо меня, поддерживаю диалог на автомате, стараясь выхватывать главное, но мыслями нахожусь далеко. В голове нет-нет, но проскальзывает мысль о том, что мне вся эта авантюра еще аукнется.

Наконец, распрощавшись с деловым партнером, еду обратно в офис, к шести туда должны подрулить Кастирин и это чудо природы. В новом офисе мне по-прежнему как-то неуютно, привык сидеть в своей неофициальной норе, как ее обозвала Света. Встречаю ее на выходе из офиса, попрощавшись, топаю внутрь, рассчитывая выпить кофе в одиночестве, но моим мечтам сбыться не суждено.

Через десять минут после моего прихода, дверь в кабинет распаивается одновременно со стуком, и на пороге я вижу Лизу.

– Какими судьбами? – интересуюсь, замирая у стола, опершись на него, складываю на груди руки. Она, улыбнувшись, захлопывает дверь ногой.

– Поговорить хочу.

– О чем?

Лиза, оглядевшись, кидает сумку на диван и замечает:

– Миленко тут у тебя, – садится рядом со своей сумкой и, закинув ногу на ногу, смотрит на меня. Она как обычно в

откровенном платье, которое отлично подчеркивает ее грудь и ноги.

– Демьян, – девушка рассматривает меня с легкой улыбкой, которую, вероятно, долго репетировала, прежде чем посчитать, что добилась успеха. Эдакое доброе снисхождение. – Давай перестанем ходить вокруг да около. Мы оба понимаем, что как ни крути, наш брак – логичный исход.

– Серьезно? – я снова выгибаю бровь.

– Да, вполне. Вы с отцом тесно сотрудничаете, уверена, ваш совместный проект даст отличные плоды. Жениться тебе точно не помешает, особенно если ты в политику собрался. Это определенный плюс к твоему статусу. И лучше меня партии не найти.

– А ты к себе как к партии относишься? – усмехаюсь, убирая руки в карманы.

Она пропускает мои слова мимо ушей. Встав, подходит ко мне, не разрывая зрительного контакта.

– Ты же сам знаешь, что я – лучший выбор, – произносит, глядя в глаза и берясь руками за мой ремень.

Я задумываюсь над ее словами. В принципе, не первый раз, мать ведь тоже мне мозги промывала на эту тему. В чем-то Лиза права, она вполне подходящая партия, и брак с ней никого бы не удивил и не вызвал бы пересудов.

Правда, есть одно существенное но: если все это безобразие, что придумал Касторин с фиктивным браком, будет иметь конец, и вполне видимый, то в случае с Лизой подоб-

ных перспектив не наблюдается. А добровольно надевать на себя кандалы, чтобы жить с ней изо дня в день, а потом еще год судиться при разводе... Увольте.

Она успевает расстегнуть мой ремень, когда я произношу:

– Пожалуй, жениться не помешает. Только не на тебе, Ли-

за.

Называть ее Эльзой я так и не смог, по крайней мере, в лицо, пусть подружки так зовут, а мне проще по нормальному имени. Она замирает, глядя с непониманием.

– Что значит не на мне? – делает шаг назад.

Ответить я не успеваю. За раздавшимся стуком в дверь появляется Касторин, за ним маячит Настя.

– Помешали? – спрашивает Евгений Борисович.

– Нет, Лиза уже уходит, – произношу ровным голосом, наблюдая, как лицо девушки покрывается краской от злости.

А потом ловлю Настин взгляд, направленный куда-то в область моих брюк. Опустив глаза, вижу расстегнутый ремень и мысленно чертыхаюсь. Пока Борисыч сторонится, пропуская Лизу и ненароком прикрывая собой Настю, я застегиваю ремень.

– Мы еще поговорим, – заявляет Лиза перед уходом, дверь закрывается, и мы оказываемся втроем.

Я снова ловлю Настин взгляд, довольно презрительный, тоже мне пуританка. Перепихнулась с кем-то, едва достигнув совершеннолетия, сразу залетела. Еще будет смотреть тут.

– Ну что ж, – Касторин усаживается на стул, Настя на диван, перед этим внимательно его осмотрев.

Поймав мой насмешливый взгляд, задирает подбородок. Ну понятно, бедные, но гордые. Я не знаю, почему она вдруг начинает меня раздражать. До того момента, как я сдуру предложил ее кандидатуру, она казалась мне обычной ничем не примечательной девушкой, которую даже немного жаль. Теперь же все в ней начинало неуловимо подбешивать.

– Мы с Настей обсудили некоторые моменты, которые с вами уже оговаривали, Демьян Александрович. Теперь к действиям. Впервые вы столкнулись неделю назад в ресторане, этот факт точно не скрыть, так что будем плясать от него. По нашей версии Демьян сначала якобы растерялся, потом решил, что не стоит ворошить прошлое, но потом новая встреча, и он понимает, что не может сдержать своих чувств.

Я невольно хмыкаю, слыша этот романизированный бред. Касторин пропускает мой смешок мимо ушей, Настя только едва заметно хмурится, даже не удостоив взглядом.

– В целом, вас это все пока не коснется. Историю мы будем плавно запускать в массы, не сразу раскрывая подробности. Ваша цель сейчас – это найти, так сказать, общий язык. Ведь вам нужно будет играть влюбленных. И на людях вы будете появляться. Безусловно, что Настя с сыном должна переехать к вам, Демьян Александрович, пусть не сразу, но через недельку... В любом случае, ее стоит переселить куда-то из

того места, где она сейчас живет.

Всего несколько предложений пришибают меня к месту сходу. То есть я все это осознавал задним умом, но теперь оно валится на меня с ярлыком «здесь и сейчас», так что вся эта афера начинает вызывать головную боль.

Касторин поднимается, и мы оба устремляем на него взгляды.

– Предлагаю вам немного пообщаться, узнать больше друг о друге, чтобы понимать, кто есть кто и с кем вам предстоит иметь дело.

– А вы?.. – голос Насти звучит почти умоляюще.

– Думаю, я здесь буду излишен. Но не переживайте, я все время на связи, если что, звоните. До свидания, Демьян Александрович, – он жмет мне руку, потом прощается с Настей и тихо уходит. В кабинете воцаряется неловкая тишина.

Я бросаю на девчонку взгляд, она смотрит куда-то в пол, теребя ручку дешевой сумки. Да уж, первым делом ей не мешает поменять гардероб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.